

УДК 75(092)(44)
ББК 75.143(3)-8
Г58

Дизайн обложки *Алексея Родюшкина*

В оформлении переплета используется картина Поля Гогена
«Женщина, держащая плод», 1893 г., Государственный Эрмитаж

Гоген, Поль

Г58 Дневник художника / Поль Гоген; пер. с франц.
Н.Я. Рыковой. — Москва: Издательство АСТ,
2024. — 352 с.: ил. — (Страницы жизни).

ISBN 978-5-17-164671-4

Когда называют имя Поля Гогена, перед нашим взором прежде всего возникают многочисленные океанийские полотна с пронизанной жаром солнца природой, с крепко скроенными таитянами и таитянками, как бы выросшими своими большими, чуть неуклюжими ступнями в горячую землю. Почему же в этом земном рае, в котором кисть художника не обнаружила ни одного темного пятна, жизнь его кончилась в нищете и горе? И что привело в этот странный, сказочный мир живописца, которого мы называем французским, несмотря на то что почти вся его творческая жизнь была связана с островами Океании? Ответы на эти вопросы может дать эпистолярное и литературное наследие, которое осталось после смерти художника и которое является своеобразным комментарием к его обширному творчеству. Эти тексты являются ключом к пониманию и сложного творческого пути, пройденного Гогеном, и его личной человеческой судьбы, полной бурь и потрясений. В настоящее издание включены избранные письма Гогена к жене, к художникам (Э. Бернару, М. Дени, Д. де Монфреду и другим), к писателям и музыкантам, с которыми его связывали дружеские или деловые отношения; а также автобиографическая книга «Ноа Ноа» и отрывки из книги «Прежде и потом», написанной в Океании незадолго до смерти художника.

УДК 75(092)(44)
ББК 75.143(3)-8

ISBN 978-5-17-164671-4 © Н.Я. Рыкова (наследники), 2024
© Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, 2024
© Издательство АСТ, 2024

ПИСЬМА

КОПЕНГАГЕН. ПАРИЖ

1885—1887

ЭМИЛЮ ШУФФЕНЕКЕРУ

Копенгаген, 14 января 1885

Я получил письмо от Гийомена. Оказывается, Вы хотели купить одну из его картин на выставке, но она уже была продана. Почему бы Вам не пойти к нему и не выбрать какую-нибудь другую? Мне кажется, Вам имело бы смысл иметь у себя образчик его творчества, и к тому же я был бы рад, если бы этому бедному и очень талантливому художнику удалось продать еще что-нибудь.

Что касается меня лично, то порою мне кажется, что я сошел с ума, и однако чем больше я размышляю вечером, лежа в постели, тем больше убеждаюсь, что я прав. Уже давно философы рассуждают о явлениях, представляющихся нам сверхъестественными, но которые, однако, мы ощущаем. Все как раз тут, в слове. Рафаэль и другие — это люди, у которых ощущение находило форму выражения гораздо раньше, чем мысль, что позволя-

ло им, и участь, никогда не разрушать это ощущение и оставаться художниками. А для меня великий художник — олицетворение величайшего интеллекта, ему свойственны чувства, являющиеся выражением наиболее тонкой, наиболее незримой деятельности мозга.

Всмотритесь в безграничное творчество природы, и Вы увидите, имеются ли законы, с помощью которых можно воссоздавать все человеческие чувства в совершенно различных, но однако же сходных по своему воздействию аспектах. Вот, например, большой паук или какой-нибудь ствол дерева в лесной чаще, — и то и другое непонятным образом вызывает в Вас ощущение ужаса. Почему Вы испытываете отвращение от прикосновения к крысе и тому подобное; рассудок не может истолковать подобных ощущений. Наши пять чувств воздействуют непосредственно на мозг под впечатлением бесконечного количества вещей, и никакое воспитание не может уничтожить этого. Отсюда я делаю вывод, что имеются линии благородные, лживые и т. д.; прямая линия дает ощущение бесконечности, кривая ограничивает творческий порыв, не говоря уже о роковых сочетаниях чисел. Сколько говорено было о числах 3 и 7? Цвета в этом отношении еще нагляднее из-за своего исключительно мощного воздействия на наш глаз, хотя они и не так многочисленны, как линии. Есть тона благородные, есть обыденные, есть сочетания спокойные, утешительные, а есть такие, что возбуждают своей дерзостью. Графология, например, говорит нам о таких человеческих чертах, как искренность или лживость. Почему же линии и цвета не могут свидетельствовать о более или менее величавом характере живописца? Возьми-

те Сезанна, непонятого, с глубоко мистической натурой Востока (он и лицом похож на древнего левантинца), в форме он больше всего любит передавать ее тайну, ему нравится тяжелое спокойствие человека, который лег, чтобы предаться созерцанию, в его красках есть задумчивая важность, свойственная характеру восточного человека. Житель юга, он целые дни проводит на горных вершинах, читая Вергилия и созерцая небо. Поэтому на картинах его — высокие горизонты, синие тона очень насыщены, а красный — поразительной звучности.

Это Вергилий, который многозначен и которого можно понимать по-разному, и словесное объяснение его картин имеет иносказательный смысл, двойной. Изображенное им столь же выдуманно, сколь и реально. Одним словом, при виде любой его картины восклицаешь: «Странно!» Но он мистик, и рисунок его такой же.

[...] Здесь меня более чем когда-либо мучают вопросы искусства, и ни мои денежные заботы, ни поиски заработка не могут меня от них отвлечь. Вы пишете, что мне следовало бы вступить в ваше Общество независимых. Хотите, я скажу Вам, что получится? Сейчас вас человек сто, завтра будет двести. Художники-коммерсанты составляют две трети общества и станут заниматься интригами. Еще немного, и тон станут задавать Жерве и прочие, а что будем делать мы — мечтатели, непонятые? В этом году у вас была благоприятная пресса, в будущем — смутьяны (повсюду есть Раффаэлли) взбаламутят всю грязь, чтобы облить вас, а самим выйти чистенькими.

Работайте свободно и бездумно; Вы будете совершенствоваться, и рано или поздно Ваше дарование будет признано, если оно у Вас есть. А главное,

не потейте над картиной, большое чувство может быть передано сразу, раздумывайте о нем и ищите для него самую простую форму.

[...] В смысле дел я в том же положении, что и вначале, если что-нибудь выйдет, то лишь через полгода — год. А пока я без гроша, забот выше головы, почему я и утешаюсь, мечтая.

Мало-помалу мы с женой выйдем из положения, давая уроки французского языка. Вы будете смеяться — я и уроки французского языка? Желаю Вам большей удачи, чем у нас.

51, Норрегаде, Копенгаген, 24 мая 1885

Вы пишете моей жене, а отвечаю Вам опять я. Что можно сообщить Вам такого, что Вас бы успокоило? Не очень-то много, но во всяком случае будьте спокойны — никто не считает Вас эгоистом, все знают, до какой степени Вы перегружены. Ничего со всем этим не поделаешь!

Ваша идея обратиться к Дюран-Рюэлю вызывает у меня улыбку, этот человек ведь еле держится на поверхности, и если он хоть что-то делает для Писсарро и других, то не из дружеских чувств, а потому что их картин у него чуть ли не на миллион, и он боится, чтобы художники-импрессионисты не сбили цены, продавая свои вещи за любую сумму. Вы сами понимаете, что этому проклятому иезуиту на меня в моем несчастье плевать с высокой горы.

[...] Здесь под меня усиленно копали протестантские ханжи, знают, что я безбожник и поэтому хотят утопить. Иезуиты просто ангелы-хранители по сравнению с набожными протестантами, — так, напри-

мер, графиня Мольтке, платившая за пансион моего сына Эмиля, тотчас же перестала платить по религиозным причинам — сами понимаете, ничего тут не скажешь. По той же причине сорвалось много уроков французского языка и т. д. ... Мне уже это осточертело, и я подумываю бросить все и возвратиться в Париж работать, только для того, чтобы прокормиться в качестве подручного скульптора у Буйо, и я буду свободен. Долг! Пусть-ка кто-нибудь окажется на моем месте, я выполнил свой долг до конца и сдался только перед физической невозможностью продолжать, а Вам еще раз спасибо за все участие, которое Вы к нам проявили, — так мало людей, которые сохранили бы к тебе уважение, когда ты в нужде!

Если увидите Гийомена, скажите ему, что в настоящий момент я рад был бы получить от него весточку, мне всегда легче на душе становится, когда приходит письмо из Франции. Вот уже полгода, как не с кем словом перекинуться. Полнейшее одиночество, ну а с точки зрения семьи я чудовище, потому что не зарабатываю денег — в наше время в почете только тот, кто преуспевает.

Наш малютка Поль лежит с воспалением легких, которое могло свести его в могилу; к счастью, он выкабался, но все это было не очень-то весело. Жаль было бы, он стал таким красивым — с черными глазами и матовым цветом лица. Жена моя просит передать свои приветы Вашей. Сейчас она не слишком любезна. Нужда сделала ее желчной, ударив особенно по тщеславию (в стране, где все друг друга знают), и все ее упреки обрушиваются на меня. Конечно, это из-за своей живописи я не стал биржевиком и т. д.

Жму руки Вам обоим.

Поль Гоген

Сообщите мне всякие подробности о Выставке. Это меня развлекло бы больше всего. А Ваша выставка в Тюильри состоялась? Предлагаю Вам обмен. Возьмите у Дельфина какую-нибудь мою картину и пришлите мне фотографию «Ладьи Дон Жуана» Делакруа, если, конечно, это не выйдет слишком дорого. Признаюсь, что в настоящее время единственные принадлежащие мне мгновения — это те, когда я могу уйти в мир искусства. Заметили ли Вы, до какой степени человек этот обладал темпераментом хищников — потому-то он и писал их так хорошо. Рисунок Делакруа всегда напоминает мне тигра с его гибкими и сильными движениями. Никогда не знаешь, где у этого великолепного зверя прикреплены мышцы, причудливые изгибы лапы дают представление о чем-то невозможном и, однако, реальном. Также Делакруа всегда выворачивает плечи и руки каким-то безумным, недоступным рассудку образом, и тем не менее они выражают реальность в пароксизме страсти.

Драпировки извиваются словно змеи, и в этом также есть что-то тигриное! Как бы там ни было и что бы Вы об этом ни думали, его «Ладья Дон Жуана» — это дыхание мощного чудовища, и я хотел бы впитать в себя это зрелище. Все эти изголодавшиеся посреди зловещего океана, которые сейчас боятся лишь одного — вытянуть из колпака некую цифру. Все исчезает перед лицом голода. Одна только живопись, никакого обмана зрения. Барка — это игрушка, которую не построили бы ни в одном порту, господин Делакруа не моряк, но зато какой поэт, и, ей-богу, он совершенно прав, что не подражает Жерому с его археологической точностью.

Подумать только, что г-н Вольф написал в «Фигаро», что ни одна картина Делакруа не является

шедевром; они, говорит он, всегда не закончены. Теперь, после его смерти, у него оказался темперамент гения, хотя картины его и несовершенны.

А вот, например, Бастьен-Лепаж — с какой добросовестностью изучает он натуру в своей мастерской. Г-ну Вольфу не приходит в голову, что Делакруа не только великий рисовальщик, но к тому же и новатор, что линия у него всегда — способ подчеркнуть мысль. Впрочем, разве это истолкуешь!

Я устроил здесь выставку своих произведений, когда-нибудь я расскажу Вам, как через пять дней выставку закрыли по распоряжению Академии, как серьезные статьи в мою пользу не были допущены к напечатанию в газетах. Все низменные интриги! Весь старый академический клан задрожал, словно я был Рошфором в искусстве — для художника это лестно, но результаты оказались плачевными.

В Копенгагене я вынужден заказывать раму для картины столяру — специалисты по рамам потеряли бы своих клиентов, если бы стали для меня работать, и это в XIX веке! Но если мы ничтожество, почему весь этот переполох?

С нами не были бы художники, и тем более нами

Фигура с зонтиком.
1884-1888

не интересовалась бы публика, моя живопись попросту зачахла бы — смехотворная и вызывающая презрительную жалость. Ощущать, что ты нечто — пусть несовершенное, но все же существенное, и видеть, как перед тобой закрываются все двери. Надо признаться, что мы настоящие мученики живописи. Молодая консьержка, два года проучившаяся у Куртуа, пользовалась бы большим уважением. Хватит! Человеческая глупость почти так же сильна, как тщеславие смертных.

МЕТТЕ ГОГЕН

Париж, 27 февраля 1886

Получил от тебя письмо, изображающее твое положение крайне печальным. Я принуждаю себя разделять твое мнение, но признаюсь — не вижу, чтобы дела твои были так уж плохи. Ты живешь в своем доме, обставленном вполне прилично, окруженная своими детьми, работаешь усиленно, но занята тем, что тебе по вкусу, видишься с людьми, и поскольку тебе приятно в обществе женщин и твоих соотечественников, то можешь порою чувствовать себя вполне удовлетворенной. Ты пользуешься всеми преимуществами брака, не имея никаких неприятностей со стороны мужа. Что тебе еще нужно — только немного больше денег — немало женщин находится в подобном же положении.

Я же из своего дома изгнан, живу где попало, среди голых стен — кровать, стол, не топлено, никого кругом нет. Кловис ведет себя героически, когда вечером мы сидим за столом, на котором кусок

хлеба да дешевая колбаса; он уже не думает о своих прежних лакомствах, молчит, ни о чем не просит, даже о том, чтобы поиграть, и отправляется спать. Вот какова его жизнь, теперь у него сердце и ум взрослого. Он заметно растет, но чувствует себя неважно — все время головная боль и какая-то бледность, сильно меня тревожащая.

Напрасно ты думаешь, что я сержусь. Я просто очерствел, и все происшедшее вызывает во мне одно лишь отвращение. Мне уже безразлично, что дети меня забывают. К тому же я не вижу никакой возможности когда-либо с ними увидеться, и дай бог, чтобы все мы умерли. Это было бы для нас всех лучшим даром.

Будущее, которое их ожидает, отнюдь не радостное, а главное — воспитывать их, чтобы они стали чернорабочими или нищими, имеющими образование, — нет никакого расчета.

Не волнуйся по поводу прощения того, в чем ты виновата, я уже давно забыл все это; даже твоя сестра, которая во всем происшедшем оказалась наиболее злой и глупой, кажется мне сейчас женщиной, как все другие, — я всегда был неправ, веря в добродетель.

Все забыто. Прощай.

Париж, 25 апреля 1886

Дорогая Метта,

[...] Необходимость становится законом; иногда она заставляет человека выходить за рамки, которые навязывает ему общество. Когда малыш заболел ветряной оспой, у меня в кармане было двад-

цать сантимов, и мы уже три дня ели один черствый хлеб, да и то в кредит.

Совершенно обезумев, я решил обратиться в одно предприятие по расклейке афиш на вокзалах и просить работы в качестве расклейщика. Увидев, что я одет как буржуа, директор рассмеялся. Но я сказал ему очень серьезно, что у меня болен ребенок и мне нужна работа. И вот я стал расклеивать афиши за пять франков в день, а Кловис лежал в жару, запертый в комнате до вечера, когда я возвращался ухаживать за ним. Эта работа продолжалась три недели, а теперь директор Компании взял меня в качестве инспектора и секретаря управления за 200 франков в месяц. Меня, кажется, нашли неглупым, и я надеюсь, что через год я добьюсь еще лучшего положения. Сейчас как раз ведутся переговоры с Испанией насчет учреждения агентства в Мадриде, куда я буду назначен директором с небольшим жалованьем в 300 франков, квартирой и 20% участием в прибылях. Кроме того, общество это состоятельное и уже в течение тридцати лет ведет дело, имеющее тенденцию расширяться. Таким образом, у меня появляются кое-какие надежды на лучшее будущее. Настоящее по-прежнему нерадостно, но во всяком случае намного лучше, чем прошлое, и я приободрился.

Твое датское самолюбие будет уязвлено тем, что муж у тебя — расклейщик афиш. Что поделаешь, не у всех есть талант. Не беспокойся о малыше, он поправляется, я и не думаю отсылать его к тебе, напротив — рассчитываю по мере улучшения моего дела с афишами забрать и других детей. Это мое право, ты сама знаешь.

Ты просишь, чтобы я отвечал тебе с кротостью, как это делаешь ты, и вот я очень спокойно обдумываю

ваю все твои письма, которые с величайшим хладнокровием и в общем вполне разумно доказывают мне, что я тебя любил, но что ты только мать, а не супруга и т.д. ... у меня обо всем этом очень приятные воспоминания, но, к сожалению, они не оставляют у меня никаких иллюзий насчет будущего, поэтому пусть тебя не удивит, если в один прекрасный день, когда мое положение улучшится, я найду женщину, которая в отношениях со мной будет отнюдь не матерью и т.д. ...

Я хорошо знаю, что ты считаешь меня человеком, лишенным какой бы то ни было привлекательности, но именно это и побуждает меня доказать тебе обратное. Может быть, в Испании это окажется легче. А пока продолжай, как и сейчас, смотреть на белый свет с высоко поднятой головой, проникнутая чувством долга и сознанием чистой совести, — впрочем, есть ведь лишь одно преступление — прелюбодеяние. Все остальное в полном порядке. Несправедливо, чтобы тебя изгоняли из твоего дома, но вполне разумно, чтобы меня изгнали из моего. Поэтому не осуждайте меня, если я заведу себе другой дом. А в этом другом доме мне можно будет расклеивать афиши. У каждого свои поводы краснеть.

Привет твоему семейству.

Твой муж Поль Гоген

Париж, начало апреля 1887

Я с нетерпением ждал твоего письма, так как 10 апреля отплываю из Сен-Назера; как видишь, мне нельзя терять времени. Похоже, что ты неправильно поняла мое письмо насчет Кловиса. Нужно,

чтобы ты нашла кого-нибудь, кто бы поехал за ним. У меня денег в обрез, только на дорогу, и в Америку я приеду без гроша. Что я намереваюсь там делать, — сам еще не ведаю. Ты сама понимаешь — без того, что именуется нервом войны, это очень трудно, но я прежде всего хочу бежать из Парижа, — для бедняка он пустыня.

Моя известность как художника растет с каждым днем, но пока я иногда по три дня хожу голодный, что подтачивает не только мое здоровье, но и энергию. Именно, эту последнюю я хочу обрести вновь и еду в Панаму, чтобы жить там дикарем. На расстоянии одной мили от Панамы, в Тихом океане, я знаю один островок (Табога), он почти необитаем, свободный и плодородный. Я беру с собой краски, кисти и там, вдали от людей, вновь обрету былую закалку.

Я всегда буду страдать из-за отсутствия моей семьи, но по крайней мере не будет этого отвратительного нищенства. Не тревожься о моем здоровье — воздух там очень здоровый, а пища — рыба и фрукты — просто даром.

[...] В настоящий момент я веду себя как больной и немного лечусь. Если хочешь знать, какой была моя жизнь, спроси у Шуффенекера, который меня немного поддерживал, — он, который сам имел очень мало.

А все эти беды, лишение всех привязанностей, безнадежно разбитая жизнь. Ты ведь говоришь, что любила меня; вспомни свое поведение со мной — я всегда был последним в доме. Сейчас ты уверяешь, что очень изменилась к лучшему, и мне хочется этому верить. Если после стольких испытаний я чего-то достигну (нам надо будет сно-